

Макарова П.А.

**СООТНОШЕНИЕ ФАКТА И ВЫМЫСЛА В РОМАНЕ
Л. БИНЕ «СЕДЬМАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА»[©]**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, polina.makarova89@gmail.com*

Аннотация. Статья рассматривает роман Л. Бине «Седьмая функция языка» (2015) в контексте взаимодействия факта и вымысла в рамках художественного произведения. Факт в романе, с одной стороны, выступает источником вдохновения для писателя, а с другой – является опорной точкой для выстраивания альтернативной реальности. Альтернативная история, по Бине, – один из способов осмысления и объяснения истории реальной, ее видения и интерпретации.

Ключевые слова: исторический роман; альтернативная история; Л. Бине; хроника происшествий; факт и вымысел; интертекстуальность.

Поступила: 18.03.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Makarova P.A.

Fact and fiction in L. Binet's novel "The Seventh Function of Language"[©]

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
polina.makarova89@gmail.com*

Abstract. The paper discusses the novel by L. Binet "The Seventh Function of Language" in the context of the interaction between fact and fiction. The fact in Binet's novel is a source of inspiration for the writer as well as a reference point, from which

[©] Макарова П.А., 2021

[©] Makarova P.A., 2021

the writer builds his alternative reality. Binet's alternative history is one of the ways of understanding and explaining reality as well as a way of its interpretation.

Key words: historical novel; alternative history; L. Binet; "faits divers"; fact and fiction; intertextuality.

Received: 18.03.2021

Accepted: 31.05.2021

Введение

Творчество Лорана Бине (р. 1972) пока не удостоилось особого внимания литературоведов, анализу его романов посвящено лишь несколько работ [Bouchaàla, 2019; Kyloušek, 2017; Premand, 2018; Rodríguez Higuera, 2020]; в отечественном литературоведении исследований, посвященных его текстам, нам не удалось обнаружить вовсе. Между тем его роман «Седьмая функция языка» (*La Septième Fonction du langage*, 2015; рус. пер. – 2019) заслуживает особого внимания исследователей, поскольку центральная тема произведения – способность литературы осмыслять, а иногда и прояснять историю – занимает не только Бине в его романах («Седьмая функция языка»; «ННН», 2010; «Civilizations», 2019), но и актуальна для современной французской литературы в целом [см., напр., Carrère, 2000; Jablonka, 2012; Jablonka, 2016]. В «Седьмой функции языка» эта тема раскрывается писателем на материале относительно недавнего прошлого, что стало одной из причин возникновения оживленного дискуссионного поля вокруг произведения. Сразу после публикации роман Бине стал предметом активного литературно-критического обсуждения в СМИ сначала во Франции, а затем и в России. Речь идет не только о рецензиях в специализированных изданиях¹, но и о дискуссиях на радио [*La Dispute d'été*, 2015], а также о телевизионных передачах с участием самого автора (напр., [Laurent Binet – *On n'est pas couché*, 2015; Laurent Binet pour ... , 2015]). Роман Бине интересен и провокативен как с точки зрения подхода к репрезентации исторического материала в художественном произведении, так и на уровне построения повествовательной структуры.

¹ См., напр., [Birnbäum, 2015; Leménager, 2015; Сушек, 2018; Юзефович, 2019; Сиротин, 2020].

Одной из особенностей текста Бине является сочетание в рамках произведения приемов классического исторического романа первой половины XIX в. (П. Мериме, А. де Виньи, В. Гюго, и др.) с техниками, возникшими позднее в результате сближения литературы и журналистики. Осмысление французской литературой далекого и недавнего прошлого, происходившее в начале XIX в. в русле исторического романа, получило новый виток в середине столетия с развитием ежедневной прессы и возникновением явления *faits divers* («происшествия»). Этот тип газетного текста возник на стыке литературы и журналистики и на начальном этапе был близок, скорее, к fiction, к литературе (подробнее об этом см. [La civilisation du journal, 2011]). Р. Барт в работе «Структура “Происшествия”» (*Structure du fait divers*, 1964) отмечает, что «<...> хроника происшествий и есть литература, пусть даже она слывет плохой литературой» [Барт, 2003, с. 408]. Тем не менее, испытав на себе сильное влияние литературы, с течением времени «происшествия» все больше приближались к объективной журналистике, меняя свой язык и манеру. При этом раздел «Происшествия» стал одним из самых популярных в газете, завоевав любовь читателей и обеспечивая газетчикам стабильный доход. Популярность и влияние «происшествий» были столь велики, что постепенно этот журналистский жанр, в свою очередь, стал оказывать влияние на литературу (см. подробнее об этом: [La Civilisation du journal, 2011, p. 1346; Пахсарьян, 2018, p. 105]). Писателей эти газетные тексты привлекали не только с точки зрения содержания, но и в стилистическом плане. «Происшествия» могли как служить отправной точкой для писателя, выступать источником вдохновения, так и становиться основой сюжета. В диалоге литературы и истории появился третий участник – *faits divers*, занимающий промежуточное положение между первыми двумя.

Создавая роман «Седьмая функция языка», Бине отталкивается как раз от реального происшествия – трагической гибели Р. Барта: 25 февраля 1980 г. его сбил грузовик, и 26 марта Барт скончался в больнице, куда попал после аварии. Основываясь на этом историческом факте, Бине выстраивает романическую интригу, предлагая читателю альтернативную трактовку событий: возможно, гибель Барта не случайность, а спланированное убийство. Поэтому ключевой для интерпретации романа вопрос, как соотно-

сятся реальность и вымысел, историческая правда и правдоподобие в тексте Бине. Какую роль играют исторические события, реальные исторические лица и документальные свидетельства при построении художественного мира романа? В этом контексте представляет интерес и жанровая принадлежность произведения, поскольку на страницах своего романа Бине экспериментирует, смешивая разные жанровые и культурные коды.

События, персонажи, реалии

Выбирая в качестве отправной точки повествования реальное историческое событие, Бине на протяжении всего произведения переплетает правдивое, правдоподобное и вымышленное. Присутствие реальности, факта Бине обеспечивает, вводя в романную канву исторические события и даты, документальные свидетельства, исторических персонажей, топонимы и другие приметы времени, способствующие воссозданию духа эпохи, элементы интертекстуальности. Используя эти «опорные точки» и расцвечивая их с помощью вымысла, автор постоянно заставляет читателя гадать, реально ли то или иное событие, или это фантазия писателя. При этом нужно отметить, что имплицитный читатель романа Бине – читатель образованный, имеющий представление об эпохе, в которую происходит действие романа. Помимо обширного прямого цитирования (работ Соссюра, Якобсона, Бодрийера), роман Бине содержит аллюзии и скрытые отсылки к культурному и политическому контексту описываемого периода. В произведении также присутствуют ирония и сатира, которые может уловить лишь читатель, знакомый, в частности, с явлением *French Theory* и идеями ключевых его представителей.

Помимо происшествия, послужившего собственно отправной точкой сюжета, Бине вводит в повествование и другие исторические события: предвыборная гонка Жискара д'Эстена и Миттерана в 1980 г.; победа Миттерана на президентских выборах в 1981-м; взрыв на вокзале в Болонье 2 августа 1980 г., а также Открытый чемпионат Франции по теннису 1980–1981 гг. Параллельно с этими событиями разворачивается романическая интрига: расследование убийства Барта комиссаром Жаком Байяром и молодым семиотиком Симоном Херцогом. Вымышленные герои не всегда являются

лишь наблюдателями исторических событий, в ряде случаев они оказываются вовлечены в них в духе персонажей Вальтера Скотта: например, Байяр, Симон и его подруга Бьянка оказываются на вокзале в Болонье непосредственно во время теракта. Для придания большего правдоподобия описываемым событиям автор уделяет особое внимание датировке. Неоднократно на страницах романа встречаются точные даты, чтобы поместить повествование в исторический контекст и придать вымышленным приключениям иллюзию правдивости: «В разгар дня 25 февраля 1980 года <...>¹» [Binet, 2015, р. 13]; «Девятнадцатое марта 1980 года, мы в новостной студии “Антенн 2”, на часах 13:30, и Миттерану тысяча лет» [Binet, 2015, р. 91]; «Четверг, 27 марта 1980 года, и Симон Херцог читает газету в баре <...>» [Binet, 2015, р. 103]. Подобный прием мы встречаем во французских исторических романах XIX в. (напр., романах Гюго, Виньи, Дюма). Тем не менее большую часть романа все же составляет вымысел, а потому те немногие исторические события, что вводятся в повествование, автор старается передать максимально подробно, уделяя особое внимание деталям. Так, чтобы сообщить читателю о смерти Барта в больнице Питье-Сальпетриер, Бине воспроизводит практически целиком реальный выпуск восьмичасовых новостей от 26 марта 1980 г., посвящая ему отдельную главу [Binet, 2015, р. 100–103]. Отрывки из политических дебатов от 5 мая 1981 г. между Жискара д’Эстеном и Миттераном, которые Байяр и Херцог смотрят по телевизору, также воспроизведены крайне детально, вплоть до одежды журналистов, выступающих модераторами встречи. Тот факт, что события разворачиваются в относительно недавнем прошлом, позволяет романисту максимально широко использовать в повествовании документальные свидетельства эпохи, вплетая их в романическую интригу. Внешняя «документальность» романа Бине призвана скрыть изменения, которые автор привносит в реальность при создании своей альтернативной истории: результаты финала «Ролан Гаррос» 1981 г., трагическая гибель Жака Деррида, самоубийство Джона Серла и, наконец, существование семи функций языка, вместо шести реально описанных Р. Якобсоном.

¹ Здесь и далее текст цитируется по французскому изданию в нашем переводе.

Введение в повествование исторических событий и документальных свидетельств обуславливает и присутствие в романе исторических персонажей. В целом, героев романа Бине можно разделить на три категории: реальные исторические лица; вымышленные персонажи Бине; вымышленные персонажи из других литературных произведений¹. Все три категории героев на равных принимают активное участие в повествовании. Подобная структура системы персонажей усиливает переплетение реальности и вымысла на страницах романа и еще сильнее размывает границы между двумя мирами: «реальные» персонажи смешиваются с «добавочными» (согласно терминологии У. Эко), и таким образом якобы «реальные» герои маскируют вымысел [Kyloušek, 2017, p. 18]. Стоит отметить, что именно исследование границ между миром реальным и миром воображаемым являлось одной из главных целей Бине в «Седьмой функции языка», по словам самого писателя [Laurent Binet pour ... , 2015].

Реальные исторические лица, действующие в романе, в свою очередь, делятся на две группы: политические деятели и интеллектуальная элита. Автор создает живые образы как политиков, так и лингвистов, жаждущих любой ценой завладеть таинственной седьмой функцией языка. Французские лингвисты и философы описываемого периода оказываются свергнуты Бине с их пьедестала небожителей. В романе они зачастую показаны как обычные, живые люди с их страстями и желаниями. Некоторые (напр., М. Фуко) представлены в крайне откровенных сценах, подчеркивающих телесную сторону в людях, которые закрепились во французской культуре как гении мысли. Подобный акцент на телесности стал поводом для упреков в адрес Бине со стороны французской критики [Laurent Binet – On n'est pas couché, 2015]. Интеллектуальная элита в целом представлена в романе в ироническом, местами пародийном ключе, а некоторые (напр., Ю. Кристева и особенно Ф. Соллерс) – и в сатирическом. Соллерс в романе подобен большому, капризному и несмышленому ребенку, который во всем слушается более умную и хитрую супругу: «Соллерс как ребенок <...>

¹ Речь идет о Моррисе Цаппе, профессоре, специалисте по английской литературе из сатирического романа Д. Лоджа «Академический обмен» (*Changing Places: A Tale of Two Campuses*, 1975; рус. пер. – 2000), который появляется и в романе Бине.

Соллерс оборачивается и радостно восклицает: “Привет, Сергей!”. Кристева поправляет его: “Его зовут Николай”. <...> Ребенок, сидящий рядом с Соллерсом, с любопытством разглядывает его. Соллерс показывает ему язык» [Binet, 2015, p. 276–277]. Кристева и Соллерс также предстают в романе как главные «злодеи», желающие завладеть седьмой функцией языка в корыстных целях: свергнуть Великого Протагора «Логос клуба» и занять его место, дабы заполучить могущество и власть, которыми он обладает. При этом для соответствия романической интриге образы исторических лиц «доставляются» Бине: эти персонажи не лишены вымысла и находятся на границе реального и воображаемого миров. Была ли реальная Юлия Кристева связана с болгарскими спецслужбами? Действительно ли Джон Серл стоит за трагической гибелью Деррида? Этими вопросами вынужден задаваться читатель на протяжении всей книги, не получая на них ответа. Барт, Фуко, Деррида, Миттеран, Андропов, Жискар д’Эстен и многие другие оказываются на самом деле условно «реальными» историческими персонажами, еще одним элементом игры автора с читателем.

Для создания «реалистичного экрана», за которым скрывается вымысел [Kuloušek, 2017, p. 11], Бине использует не только исторические события и реальных исторических лиц. Действие романа разворачивается в нескольких городах мира: Париже, Болонье, Итаке, Венеции. Во всех случаях автор старается активно использовать не только датировку, но и реальные топонимы (названия улиц, кафе, баров, государственных учреждений, достопримечательностей). Кроме того, Бине вводит и другие приметы времени: герои обсуждают фильм «Игра в четыре руки», вышедший на экраны 26 марта 1980 г., слушают песни, популярные в то время (напр., композицию группы *The Cure* «Killing an arab», релиз которой состоялся в том же 1980 г., и многие др.). Роман наполнен подобными деталями (см., напр.: [Binet, 2015, p. 74, 86–87, 347–350]), которые легко узнает читатель. В результате в голове последнего складывается своего рода мозаика, слепок эпохи, что создает ощущение достоверности повествования. Именно это и нужно автору, чтобы вплести в эту мозаику вымысел.

Интертексты

Интертекстуальность – важный элемент поэтики романа Бине, который также необходимо отметить в контексте данного анализа. Присутствие чужого текста в тексте Бине реализуется на нескольких уровнях. Прежде всего, писатель использует прямое цитирование, приводя целые абзацы из работ Соссюра, Бюиссанса, Бодрийяра [Binet, 2015, p. 14, 18, 267–269]. Цитаты не только являются способом погрузить читателя в нужную атмосферу и добавить документальности происходящему, но и становятся подчас стимулом для романической интриги. Цитируя работы Соссюра и Бюиссанса, Бине подводит читателя к знакомству с семиотикой, с которой тому придется неоднократно сталкиваться на протяжении повествования. Слушая выступления лингвистов на конференции в Итаке, Симон и сам начинает задумываться о гранях между реальностью и вымыслом, что затем будет все больше усугубляться, приводя к деконструкции повествования [Binet, 2015, p. 312–313]. Граница между цитатой и текстом Бине подчас максимально размыта: работа Якобсона о функциях языка излагается устами вымышленного героя Симона в их диалоге с Байяром в ходе расследования. Понять, где заканчивается цитирование работы Якобсона и начинается речь самого Симона, читателю довольно трудно, что обеспечивает подлинное смешение документального и художественного в рамках произведения.

Еще один уровень присутствия чужого текста в романе Бине – эксплицитные отсылки к работам известных лингвистов и мыслителей описываемой эпохи (см. [Binet, 2015, p. 31, 53, и др.]). По словам Бине, в «Седьмой функции языка» он хотел «заставить своих персонажей говорить их собственными словами» [Laurent Binet – On n'est pas couché, 2015], поэтому в тексте романа звучат идеи Фуко, Деррида, Кристевой и других исторических лиц, являющихся героями произведения. Наконец, скрытые отсылки и аллюзии на произведения мировой литературы (Шекспира, Т. Манна, Дж. Джойса, Д. Тартт и др.) буквально наводняют текст Бине. В результате повествование представляет собой своего рода лоскутное одеяло, сотканное из множества текстов, переплетающихся между собой. Текст вообще играет чрезвычайно важную роль в «Седьмой функции языка», ведь и в основе романической

интриги лежит текст, документ: таинственная седьмая функция языка, дающая ее обладателю безграничную власть. Можно сказать, что роман Бине – это «текст о тексте и текст в тексте» [Premand, 2018].

На всех уровнях слово играет ключевую роль в художественном мире романа. Язык, слово, означающее и означаемое – автор играет с этими понятиями на страницах произведения. Так, один из героев, Хамед, находясь при смерти, произносит: «Écho», имея в виду Умберто Эко, но Байяр трактует его слова по-другому за счет омонимичности французского слова «эхо» («écho») и фамилии итальянского писателя (Eco). В то же время для Ц. Тодорова данное означающее отсылает к другому означаемому, потому он сразу спрашивает Байяра: «Умберто, у него все хорошо?» [Binet, 2015, p. 176]. Слово, произнесенное или написанное, заключает в себе огромную силу. В некотором роде «Седьмая функция языка» – это роман о слове, о торжестве слова. Не случайно могущественная тайная организация, о которой идет речь в романе, называется «Логос клуб». В финале произведения от верной гибели Симона спасает именно его владение словом. «Видишь, следовало отрезать мне язык», – говорит Симон своему несостоявшемуся убийце на последней странице романа [Binet, 2015, p. 478].

Иллюзии, вымысел, поэтика

Иллюзия реальности, воссоздаваемая Бине на страницах романа благодаря документальным свидетельствам и другим историческим деталям, позволяет романисту выстроить своего рода альтернативную историю, куда автор погружает читателя, максимально размывая границу между миром реальным и воображаемым. Романическая интрига развивается параллельно с хроникой исторических событий, вызывающих у читателя ряд ассоциаций, которые заставляют его поверить в правдивость происходящего. Исторические события и персонажи, реальные топонимы и приметы эпохи создают эффект правдивости повествования, заключая читателя в ловушку: он и верит, и в то же время не верит в происходящее. При этом Бине не сосредоточен на скрупулезном, достоверном изображении исторических фактов или лиц. Не столь важен для него и воображаемый мир. Думается, для романиста оказыва-

ется наиболее важным исследование границ между документальным и художественным, фактом и вымыслом, их соприкосновение друг с другом в рамках произведения. «Жизнь – это не роман» [Binet, 2015, p. 11] – этой фразой Бине начинается первая глава. И в то же время своим следующим предложением автор заставляет нас усомниться в этом: «По крайней мере, это то, во что вы хотели бы верить» [Binet, 2015, p. 11]. По ходу повествования авторские ремарки поддерживают эту игру. Стоит отметить, что автор активно присутствует в тексте произведения, поддерживая диалог с читателем. Более того, он отчасти строит свой роман на глазах у читателя, подчеркивая, казалось бы, тем самым, что речь идет о мире художественного произведения, а не о воспроизведении хроники исторических событий: «Пора уже, наверное, материализовать этого болгарина, чтобы он не закончил, как его товарищ, неизвестный солдат, павший в тайной войне <...> Предположим, что его зовут Николай» [Binet, 2015, p. 270]. Линейность повествования в «Седьмой функции языка» постоянно нарушается подобными авторскими ремарками, своего рода «трещинами» [Premand, 2018], вызывающими деконструкцию нарратива (см., напр., [Binet, 2015, p. 103]).

Не только у читателя романа Бине размывается граница между реальным и воображаемым мирами. Происходит это и с одним из главных героев – Симоном Херцогом. По ходу повествования персонаж то и дело задумывается о нереальности происходящих с ним событий. Поначалу автор лишь дает своему герою (и заодно читателю) небольшие подсказки, намеки, вкладывая их в речь других персонажей: «Он [Делез. – П.М.] залпом выпивает бокал и добавляет, смотря на Симона: “*Это увлекательно, как роман* [курсив мой. – П.М.]” Симон ловит его взгляд» [Binet, 2015, p. 79; см. также: Binet, 2015, p. 248]. Затем, по мере развития романической интриги, у Симона начинает возникать «смутное впечатление», что он находится в каком-то фильме или книге, но герой пока не придает этому особого значения, повторяя, сам того не зная, первую фразу произведения: «Но жизнь – это не роман <...>» [Binet, 2015, p. 172]. Во второй половине произведения авторская игра с сознанием своего персонажа становится все более явной, в результате чего Симон произносит вслух мысль, терзающую его на протяжении всего расследования: «Мне кажется, я застрел в каком-то гробном романе» [Binet, 2015, p. 330]. Наконец в главе 93 деконструкция

повествования достигает своего пика, когда Симон решаете прямо задать Байяру мучивший его вопрос: «Откуда ты знаешь, что ты не в каком-нибудь романе? Откуда ты знаешь, что ты живешь не внутри вымысла? Откуда ты знаешь, что ты *реален* [курсив автора. – П.М.]?» [Binet, 2015, p. 420].

В отличие от Байяра Симон хочет получить доказательство реальности своего существования. Примечательно, что эти мысли приходят к герою во время просмотра финала чемпионата «Ролан Гаррос» 1981 г. Стремясь получить подтверждение собственной «реальности», Симон желает, чтобы победу одержал Борг, ведь это будет «правдоподобная победа» [Binet, 2015, p. 459]. Но Бине изменяет результат встречи, делая победителем Лендла, а не Борга. Тем самым автор в очередной раз намекает Симону (и читателю), что они находятся в альтернативной реальности, где молодой теннисист способен победить неоспоримого фаворита, а Ролана Барта могут убить из-за седьмой функции языка, которая дает безграничную власть. В финале романа Симон обращается напрямую к автору, что влечет за собой окончательное разрушение повествовательной структуры: «Если ты хочешь убить меня в конце, нужно постараться получше!» [Binet, 2015, p. 466].

Деконструкция нарратива, которую Бине применяет в своем романе, позволяет автору максимально стереть грань между реальностью и вымыслом, поставив как можно острее перед читателем ряд вопросов. Где заканчивается реальность и начинается вымысел? Что отличает реальный мир от воображаемого? Что на самом деле обладает бóльшим правдоподобием: жизнь или роман? Тем самым Бине возвращает нас к первой фразе своего произведения: действительно ли жизнь – это не роман?

Как справедливо отмечают исследователи творчества Бине, жанровая принадлежность «Седьмой функции языка» не поддается однозначному определению (см., напр., [Bouchaàla, 2019; Premand, 2018]). Бине экспериментирует и играет на страницах романа с разными жанровыми кодами. Так, начало романа отсылает нас к детективному жанру. Близость к детективу подчеркивается автором не только через романическую интригу, но и через аллюзии на другие литературные произведения того же жанра. Например, инициалы Симона Херцога в оригинале (Simon Herzog) отсылают нас к Шерлоку Холмсу Конан Дойла (Sherlock Holmes), а сама пара,

ведущая расследование (Байяр и Симон), напоминает героев романа У. Эко «Имя розы» (*Il nome della Rosa*, 1980): Вильгельма Баскервильского и Адсона. В образе Байяра прослеживается и намек на героя романов Ж. Сименона комиссара Мегрэ. Тем не менее по ходу повествования к детективной составляющей примешиваются черты исторического романа за счет внедрения в произведение характерных элементов этого жанра (исторические события и персонажи, приметы эпохи, датировка, документальные свидетельства и т.п.). Через образ Симона, который благодаря Байяру становится участником полицейского расследования, в роман привносятся и черты романа-воспитания. Симон в финале романа уже не тот герой, которого мы встречаем в начале произведения. Здесь опять же намечается параллель с героем романа «Имя розы» Адсоном. Отталкиваясь от исторического факта (смерти Барта), Бине дополняет и изменяет реальность, показывая возможные пути развития событий, что сближает его роман с жанром альтернативной истории. Авторские ремарки об особенностях построения романа, вмешательство автора в повествование свидетельствуют о близости произведения к метароману. Наконец, присутствует в «Седьмой функции языка» и явное сатирическое начало. Подобное экспериментирование с жанровыми кодами становится элементом авторской игры для создания романической увлекательности и удержания читательского интереса, что делает роман Бине одним из ярких образцов современной популярной беллетристики.

Авторская игра является важной особенностью поэтики романа Бине и осуществляется в рамках произведения на разных уровнях. Это и экспериментирование с разными жанровыми кодами, и смешивание документального и художественного в пространстве единого текста, и намеренное разрушение повествовательной структуры. Однако есть еще один любопытный момент. Делая героями своего романа французских мыслителей XX в., Бине не просто излагает в тексте их взгляды через речь персонажей. Их идеи присутствуют в произведении не только в сюжетном плане, но и на уровне построения нарратива. Семиотика, интертекстуальность, деконструкция – роман не только рассказывает читателю об этих явлениях, но и становится экспериментальной площадкой для исследования тех вопросов, что ставили перед собой французские философы и лингвисты XX в. И в этом, думается, заключается

и авторская игра, и авторская ирония, и дань уважения французской интеллектуальной мысли XX столетия.

Заключение

Исследуя границы между реальностью и вымыслом, Бине в «Седьмой функции языка» использует факт, с одной стороны, как источник вдохновения для развития романической интриги¹, а с другой – как точку бифуркации для построения альтернативной истории. Однако через построение альтернативной истории возможно осмысление реальности, объяснение реальной истории, раскрытие эпохи. Таким образом, роман Бине вписывается в определение «настоящей литературы», предложенное М. Варгасом Льюсой: «Литература не является правдивым изображением реальности. Лишь плохая литература этим занимается. На мой взгляд, настоящая литература совершает полную трансформацию реальности, и это способ для нее выразить некое неприятие или критику реального» [Vargas Llosa, 1994, p. 208]. Думается, в своем видении отношений между фактом и вымыслом Бине близок к точке зрения братьев Гонкуров, сформулированной ими еще в 1861 г.: «История – это роман, который был, роман – это история, какой она могла бы быть» [Goncourt Ed., Goncourt J., 1888, p. 393]. При этом искажение или трансформация реальности не исключают воссоздания правдивой картины эпохи, ее духа. За счет использования фактологических элементов, внедрения документального начала в роман Бине удастся представить своего рода историко-культурный слепок Франции 1980-х.

По мнению Бине, важную роль в установлении границ между реальной и альтернативной историей играет интерпретация. Автор намекает об этом читателю, помещая в качестве эпиграфа к роману высказывание Деррида: «Переводчики, они везде. Каждый говорит на своем языке, даже если немного владеет другим. Для хитростей переводчика открывается широкое поле, и он не забывает о своих интересах» [Binet, 2015, p. 7]. Наше восприятие ре-

¹ Ср. высказывание французского исследователя А. Лопеса: «<...> история играет совершенно разную роль для историка и для романиста. Для первого она – объект знания. Для второго – источник вдохновения» [López, 1994, p. 45].

альности в значительной степени связано с тем, как мы эту реальность истолковываем для себя. Полностью избежать какой-либо интерпретации факта не представляется возможным, и в результате так или иначе происходит «добраивание» реальности своими интерпретациями и создание в некотором роде альтернативной истории. Подобный опыт переживает и Бине, создавая свой роман. Он интерпретирует обстоятельства смерти Барта по-своему и в соответствии с этим излагает свою версию событий, приглашая и читателя сделать то же самое. Имеет ли право на существование беллетризованная история, пропущенная сквозь призму личного видения и восприятия? Над этими вопросами автор предлагает задуматься читателю.

Список литературы

- Барт Р.* Структура «Происшествия» // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 398–408.
- Пахсарьян Н.Т.* Романы «городских тайн», или «промышленная литература» в социокультурном контексте «промышленной эпохи» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 1. – С. 103–115.
- Сиротин С.* Постструктурализм в действии // Урал. – 2020. – № 5. – Рец. на кн.: Бине Л. Седьмая функция языка / пер. с фр. А. Захаревич. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 536 с. – URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2020/5/poststrukturalizm-v-dejstvii.html> (дата обращения: 18.03.2021).
- Сушек И.* Элементарно, Байяр! // Иностранная литература. – 2018. – № 7. – С. 265–272.
- Юзефович Г.* «Седьмая функция языка» Лорана Бине – детектив об убийстве Ролана Барта // Meduza [электронное издание]. – 2019. – 27.04. – URL: <https://meduza.io/feature/2019/04/27/sedmaya-funktsiya-yazyka-lorana-bine-detektiv-ob-ubiystve-rolana-barta> (дата обращения: 04.03.2021).
- Binet L.* La Septième Fonction du langage. – Paris : Grasset, 2015. – 496 p.
- Birnbaum J.* «Les Incorruptibles», version Laurent Binet // Le Monde. – 2015. – 18.08. – URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2015/08/19/les-incorruptibles-version-laurent-binet_4730280_3260.html (date of access: 18.03.2021).
- Bouchaàla Ch.* La septième fonction du langage de Laurent Binet entre l’imaginaire et la réalité : mémoire élaboré en vue de l’obtention d’un diplôme de Master à l’Université Mohamed Lamine Debaghine-Sétif 2. – 2018–2019. – URL: <https://www.academia.edu/40175872> (date of access: 04.03.2021).
- Carrère E.* L’Adversaire. – Paris : P.O.L, 2000. – 219 p.

- Goncourt Ed., Goncourt J.* Journal des Goncourt : mémoires de la vie littéraire. – Paris : Charpentier & Cie, 1888. – Vol. 1: 1851–1861. – 402 p.
- Jablonka, I.* Histoire des grands-parents que je n'ai pas eus. – Paris : Seuil, 2012. – 448 p.
- Jablonka I.* Laëtitia ou la fin des hommes. – Paris : Seuil, 2016. – 456 p.
- La civilisation du journal. Une histoire de la presse française au XIXe siècle / dir. de Kalifa D., Régnier P., Thérenty M.-È., Vaillant A. – Paris : Nouveau Monde éditions, 2011. – 1762 p.
- Kyloušek P.* Mentir vrai? *La Septième fonction du langage* de Laurent Binet // Écho des études romanes. – České Budějovice : Gallica, 2017. – Vol. 13, N 2. – P. 11–19.
- La Dispute d'été [audio] / émission présentée par Laporte A. // France Culture. – 2015. – 22.08. – URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/la-dispute-de/litterature-delivrance-de-toni-morrison-boussole-de-mathias-enard-et-la> (date of access: 18.03.2021).
- Laurent Binet pour « La Septième Fonction du langage » [video] / La Grande Librairie. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=2_IPug-vqPg (date of access: 04.03.2021). – (Émission présentée par François Busnel, France 5. Diffusée le 3 septembre 2015).
- Leménager G.* Roland Barthes a-t-il été assassiné? // BIBLIOBS. – 2015. – 21.08. – URL: <https://bibliobs.nouvelobs.com/romans/20150821.OBS4517/roland-barthes-a-t-il-ete-assassine.html> (date of access: 18.03.2021).
- López A.* Histoire et roman historique // América : cahiers du CRICCAL. – 1994. – N 14: Histoire et imaginaire dans le roman latino-américain contemporain, vol. 2. – P. 41–61.
- Laurent Binet – On n'est pas couché, 7 novembre 2015 [video] / On n'est pas couché. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZcMeq_OkCY4 (date of access: 04.03.2021). – (Émission présentée par Laurent Ruquier, France 2. Diffusée le 7 novembre 2015.)
- Premand T.* *La Septième Fonction du langage* de Laurent Bine : le retour du corps dans l'univers littéraire // Observatoire de l'imaginaire contemporain [electronic resource]. – 2018. – 5.11. – URL: <http://oic.uqam.ca/fr/carnets/imaginaire-de-lecrit-dans-le-roman/projet-en-cours-la-septieme-fonction-du-langage-de> (date of access: 04.03.2021).
- Rodríguez Higuera C.J.* Semiotics to die for : review of Laurent Binet's *La septième fonction du langage* // Semiotica. – 2020. – N 233. – P. 205–210.
- Vargas Llosa M.* Mario Vargas Llosa parle de son livre // América : cahiers du CRICCAL. – 1994. – N 14: Histoire et imaginaire dans le roman latino-américain contemporain, vol. 2. – P. 205–210.

References

- Bart, R. (2003). *Struktura «Proishestvija»*. In R. Bart, *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury* (pp. 398–408). Moscow: Sabashnikovy.
- Pahsar'jan, N.T. (2018). Romany «gorodskih tajn», ili «promyshlennaja literatura» v sociokul'turnom kontekste «promyshlennoj jepohi» [The city mysteries novels or “the industrial literature” in the social and cultural context of “the industrial epoch”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Serija 9. Filologija*, (1), 103–115.

- Sirotin, S. (2020). Poststrukturalizm v dejstvii [Review of the book *Sed'maja funkcija jazyka*, by L. Bine, transl. in Russian]. *Ural*, (5). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/ural/2020/5/poststrukturalizm-v-dejstvii.html>
- Sushek, I. (2018). Elementarno, Bayar! *Inostrannaja literatura*, (7), 265–272.
- Juzefovich, G. (2019, April 27). «Sed'maja funkcija jazyka» Lorana Bine – detektiv ob ubijstve Rolana Barta. *Meduza*. Retrieved from <https://meduza.io/feature/2019/04/27/sedmaya-funktsiya-yazyka-lorana-bine-detektiv-ob-ubiystve-rolana-barta>
- Binet, L. (2015). *La Septième Fonction du langage*. Paris: Grasset.
- Birnbaum, J. (2015, August 19). «Les Incorruptibles», version Laurent Binet. *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/livres/article/2015/08/19/les-incorruptibles-version-laurent-binet_4730280_3260.html
- Bouchaàla, Ch. (2019). *La septième fonction du langage de Laurent Binet entre l'imaginaire et la réalité* (Mémoire élaboré en vue de l'obtention d'un diplôme de Master). Retrieved from <https://www.academia.edu/40175872>
- Carrère, E. (2000). *L'Adversaire*. Paris: P.O.L.
- Goncourt, Ed., & Goncourt, J. (1888). *Journal des Goncourt: mémoires de la vie littéraire* (Vol. 1). Paris: Charpentier & Cie.
- Jablonka, I. (2012). *Histoire des grands-parents que je n'ai pas eus*. Paris: Seuil.
- Jablonka, I. (2016). *Laëtitia ou la fin des hommes*. Paris: Seuil.
- Kalifa, D., Régnier, P., Thérenty, M.-È., & Vaillant, A. (Eds). (2011). *La Civilisation du journal. Une histoire de la presse française au XIXe siècle*. Paris: Nouveau Monde éditions.
- Kyloušek, P. (2017). Mentir vrai? La Septième fonction du langage de Laurent Binet. *Écho des études romanes*, 13(2), 11–19.
- Laporte, A. (2015, August 22). *La Dispute d'été* [émission]. France Culture. Retrieved from <https://www.franceculture.fr/emissions/la-dispute-dete/litterature-delivrances-de-toni-morrison-boussole-de-mathias-enard-et-la>
- Busnel, F. (Producer). (2015, September 3). *La Grande Librairie* [TV broadcast]. France 5. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=2_IPug-vqPg
- Leménager G. (2015, August 21). *Roland Barthes a-t-il été assassiné?* Retrieved from <https://bibliobs.nouvelobs.com/romans/20150821.OBS4517/roland-barthes-a-t-il-ete-assassine.html>
- López, A. (1994). Histoire et roman historique. *América: Cahiers du CRICCAL*, 14, 41–61.
- Ruquier, L. (Producer). (2015, November 7). *On n'est pas couché* [TV broadcast]. France 2. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=ZcMeq_OkCY4
- Premand, T. (2018). *La Septième Fonction du langage de Laurent Binet: le retour du corps dans l'univers littéraire*. Retrieved from <http://oic.uqam.ca/fr/carnets/imaginaire-de-lecrit-dans-le-roman/projet-en-cours-la-septieme-fonction-du-langage-de>
- Rodríguez Higuera, C.J. (2020). Semiotics to die for. Review of Laurent Binet's *La septième fonction du langage*. *Semiotica* (233), 205–210.
- Vargas Llosa, M. (1994). Mario Vargas Llosa parle de son livre. *América: Cahiers du CRICCAL*, 14, 205–210.